

РЕЦЕНЗИИ

А. С. Козлов

НОВАЯ КНИГА О РОЛИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Рец. на кн.: *MacGeorge P. Later Roman Warlords* / P. MacGeorge. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — XVII, 347 p.

Начну с весьма достойного, на мой взгляд, пассажа из рецензируемой работы. «Способы, с помощью которых люди реагируют на перемены и находят пути физической и ментальной адаптации, а если возможно, и выигрывают от этого, гораздо интереснее, нежели методы и пути самих перемен» (р. 1). Подобные слова наталкивают на мысль об ориентации их автора на принципы исторической антропологии — со всеми ее междисциплинарными свойствами, но, главное, с раскрытием «инаковости» не просто минувших эпох, но и конкретных социальных страт и даже индивидов с присущими им манерами поведения, церемониями, символикой социальных и политических поступков. Представляется, что содержание книги о военачальниках финала поздней Античности подтверждает подобную мысль. Другое дело, что уровни информативности наших источников об этих людях и методики анализа интересующих данных могут не позволить достигнуть желаемых целей.

Монография Пенни Мак-Джордж, преподавательницы высшей школы Керисброука и Isle of Wight College, базируется на диссертации, защищенной в Оксфорде в 1996 г. Книга эта, по словам самой исследовательницы, «является не попыткой описания событий конца империи на Западе и еще в меньшей степени — объяснения его, но попыткой реконструкции жизни нескольких людей и, если это вообще восстановимо, отношений к этим событиям немногих из них, которые сии события определяли и сами испытывали их влияние» (р. 2).

Речь идет о карьерах сначала комита Далмации, а затем магистра обоих милиций и патрикия Марцеллина, военачальников Эгидия и его сына Сиагрия, патрикия (варварского происхождения) Рицимера и его последователей — Гундобада, Ореста и небезызвестного Одоакра, сместившего последнего императора Западной Римской империи.

В методике, применяемой Мак-Джордж, бросается в глаза особый вид дискурсивного анализа, при котором установление корреляции между содержанием источника, результатом его препарирования и социально-политическим контекстом исторических событий базируется на выявлении самих дискурсов внутри одного источника (например, «*Bellum Vandalicum*» Прокопия, «Хроники» Идасия или эпистолярная Аполлинария Сидония), через определение его «темы», терминологии, места в смысловом поле конкретной «биографии». Отсюда конструирование перед каждым основным разделом исследования специального параграфа «*The Background and the Sources*» (р. 17–31, 71–81, 167–177), который включает в себя базовое содержание подобного анализа, причем частные сегменты последнего сопровождают любой из последующих параграфов, особенно концентрируясь в вопросах происхождения и карьеры каждого из героев книги.

Насыщенность книги ссылками преимущественно на сведения источников (пусть весьма скудные, часто противоречивые), а не на выводы предшественников Мак-Джордж по предмету исследования имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, англоязычный читатель получает весьма полное представление о совокупности и информативности данных (прежде всего нарративных) о ведущих военачальниках Запада, функционировавших примерно четверть века до исчезновения императорской власти в Равенне. С другой, по многим частным вопросам интерпретации этих сообщений Мак-Джордж или ломится в открытую дверь, или делает заключения, хоть и с оговорками «возможно» или «вероятно» (о чем, правда, честно предупреждает во введении), но в упрощенном или даже сомнительном варианте. И это несмотря на то, что автор старается подключить к ряду разборов деталей карьеры или деятельности того или иного из своих героев дебаты по данному поводу, существующие в новейшей историографии. Например, при обращении к специальной литературе она предпочитает иметь дело с англоязычными исследованиями, и когда речь идет о трудах таких специалистов, как Дж. Б. Бьюри, Д. Уайттэкер, Дж. М. О'Флинн, П. С. Барнвелл или авторов статей в трехтомной «Просопографии поздней Римской империи», то вопросов нет. Но почему, например, в монографии не использовано все богатство поисков среди разнообразных типов источников и осторожных выводов именно по данной теме, сделанных А. Демандтом в капитальной работе «*Magister militum*» (1970)? Почему не использованы скрупулезнейшие изыскания М. А. Веса относительно событий 476 г. (1967)? В чем причина по сути дела игнорирования тщательных выводов старой, но капитальной источниковедческой статьи Г. Вайтца относительно сообщений равенских анналов об Одоакре (1865)? Где привлечение всего материала введливого комментария И. Кенига к сведениям об Оресте, Одоакре и т.д., сообщаемым таким источником, как «*Chronica Theodorica*» (вторая часть Анонима

Валезия) (1997)? Количество таких вопросов можно без труда умножить. Проиллюстрирую несколькими примерами свои, к которым может привести слабое внимание к трудам предшественников.

Возьмем вряд ли разрешимый на сегодняшний день вопрос о постах и титулатуре Марцеллина, фактического властителя Далмации в 454–468 гг. Изыскания Мак-Джордж в сфере карьеры, деятельности этого человека, как мне представляется, наиболее солидные на сегодняшний день (даже после статьи в PLRE [The Prosopography..., p. 708–710]). Однако учет наработок в этом сюжете хотя бы немецких коллег позволяет на сегодняшний день прийти к выводу: мы не располагаем точными и убедительными данными по поводу именованной его должностей и титулов. С одной стороны, верно Фотий, кратко излагавший сведения Дамаския, назвал Марцеллина по-гречески «самовластным гегемоном страны далматов», но это с учетом того, что племянник Марцеллина, Непот, будущий император, благодаря византийскому василевсу Льву I стал *magister militum Dalmatiae*, позволило Дж. Б. Бьюри (1923) и Э. Штейну (1928) приписать такую же должность и дяде. Но А. Демандт, используя изыскания своих предшественников, поправил: эта должность была придумана лично для Непота. Формула, сообщаемая Дамаскием, подчеркивает не аутентичность должности, а степень чрезвычайных полномочий, обретенных Марцеллином в военной сфере. По Демандту, в известной мере присоединяющемуся к мнению О. Зеэка, Марцеллин мог иметь *comitiva Dalmatiae*. Когда в 468 г. Марцеллин, по сообщению константинопольских консулярий, возглавил армию Западной империи для решающей схватки с вандалами (прежде всего за Сицилию), он предположительно занимал должность магистра презентальных войск. Ведь Рицимер, бывший в то время уже патриkiem, являлся первым магистром. Следовательно, Марцеллин мог быть только вторым. Что касается убийства Марцеллина, то Прокопий и комит Марцеллин единодушно приписывают его осуществление офицерам его собственной армии. Демандт подчеркивает, что ни один источник не упоминает в связи с этой трагедией имени Рицимера; следовательно, господствующая до сих пор точка зрения о том, что Рицимер приложил руку к устранению своего соперника (О. Зеек, И. Зундвалл, Г. Б. Пикотти, Э. Штейн, В. Энслин), вряд ли состоятельна: при напряженности отношений между двумя крупнейшими военачальниками Запада даже тень подозрения в подобной акции должна была найти отражение в нарративе [Demandt, p. 684–685].

Что же касается выявления намерений героев исследования, то при скудости источникового материала по отношению ко многим из них эта задача практически недостижима. Обратим внимание на параграф, посвященный Гундобаду, Оресту и Одоакру (p. 269–293). Из этих троих только об Одоакре в источниках можно прочесть нечто эмоционально окрашенное и способное вывести на предположительные историко-антропологические наблюдения (данные Иоанна Антиохийского, Анонима Валезия, Евгипсия, Прокопия, Иордана). Так, например, то и дело подчеркиваемая Евгипсием «мягкость» Одоакра по отношению к смещенному Ромулу Августулу, пощаженому из-за своей юности (*quia pulcher erat*), объясняется И. Кенигом тем, что Одоакр не желал ссориться с римлянами и сенатом [König, p. 101]. В самом деле, *pulcher* текста можно

воспринимать и как «знатный»; Иордан, когда пишет о заложничестве Теодориха в Византии, использует подобную же формулировку (*quia puerulos elegans erat, meruit gratiam imperialem habere*, — *Get.*, 271). Важно учитывать и то, что Непот в 475 — 476 гг. по-прежнему считался легитимным императором.

Что же касается Ореста, то о нем сведений с эмоционально-оценочным зарядом практически нет. Разве что из суждений одной из хроник вытекает, что, сделав своего сына Ромула императором, сам Орест *omnem curam externorum praesidiorum gerit* [Auctarii..., p. 309]. Отсюда вывод В. Энслина: Орест не вошел на трон сам, потому что желал оставаться реальным правителем, а не делить власть с каким-либо патрикием, обладавшим военными прерогативами [Enßlin, S. 1012—1013].

Число подобных примеров можно умножить, но важно подчеркнуть и другое. Почти каждый существенный для биографии того или иного военачальника тезис Мак-Джордж стремится интерпретировать по возможности четче, стараясь не упустить ни одной детали, мелькающей в источнике. Сама по себе подобная методика прекрасна, но она требует и четкости в выводах. Состояние же наших знаний рассматриваемого материала таково, что даже вокруг отдельного факта (происхождение Марцеллина, характер отношений между ним и Византией, эволюция отношений Рицимера к Майориану и т. д.) роится множество точек зрения, и присоединиться хотя бы к одной из них, наиболее убедительной, и уж тем более выработать свою — неимоверно трудно. Не всегда это получается и у Мак-Джордж.

Стоит также сожалеть, что исследование *predecessors* героев книги, в том числе такой фигуры, как Стилихон, сведений о котором сохранилось больше, чем о ком-либо другом из позднеримских *warlords* (p. 5—14), оказывается по сути кратким обзором без углубленного анализа закономерностей, складывающихся вокруг деяний такого рода лиц.

И еще одно. Карта 1 («Диоцезы и провинции поздней Римской империи») создает представление о территориально-административной статичности государства, причем непонятно какого времени. Ведь даже при Диоклетиане административное деление империи было одно, а при Константине I — несколько другое (даже не говоря о префектурах). Если взять в качестве примера такой важный для сюжетов монографии район, как Северная Галлия, то на карте не обнаружится названия *Lugdunensis Senonia*. Самих Лугдунских провинций в ходе Диоклетиановых реформ было вначале две. Появление *Lugdunensis IV* на карте в указанной связи требует специального объяснения. Если обратиться к римской Северной Африке, то из карты не понять, что Мавритания Тингитанская входила в испанский диоцез и принадлежала к галльской префектуре. В то время как Мавритания Цезарейская, Мавритания Ситифенская, Нумидия, Проконсульская Африка, Бизацена и Триполитания составили африканский диоцез и принадлежали к итало-африканской префектуре. Тем более в описываемое Мак-Джордж время территориально-административный фон деятельности ее героев стремительно менялся. Так, вандало-аланское королевство делилось на такие провинции, как Зевгитана, Восточная Нумидия, Бизацена, Абаритана и Гетулия. В этой связи странно, что на карте 2 многие

названия городов, местечек и германских (!) племен представлены по-французски.

Но уж если говорить о языке, то книга Мак-Джордж написана на таком превосходном английском, что вполне соответствует славе *Isle of Wight College*, который, как известно, является идеальным местом для его изучения.

Auctarii Havniensis ordo prior, 1 // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 1892. Т. 9.

Demandt A. Magister militum // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1970. Suppl. 12.

Enßlin W. Orestes // Paulys Realencyclopädie ... 1939. Bd. 18.

König I. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1997.

The Prosopography of the Later Roman Empire / ed. J. R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 2.

Т. А. Снигирева

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ УРАЛА*

Рец. на кн.: *Литература Урала: история и современность* : сб. ст. Вып. 6 : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / отв. ред. Е. К. Созина ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 476 с.

Очередной выпуск сборника статей «Литература Урала: история и современность» является следующим этапом системной филологической реконструкции литературного процесса крупного региона России и художественных индивидуальностей его составляющих. Основной научный сюжет книги, созданной коллективными усилиями уральских филологов и цементирующий ее единство, определяется постановкой и решением ряда взаимосвязанных проблем: история и способы ее художественного осмысления, факт истории как литературный факт. Проблемы, направленные, скажем несколько метафорично, на заполнении белых пятен карты истории в литературной географии Урала.

Ответственный редактор сборника Е. К. Созина, предуведомляя научный текст, оговаривает его методологические основания: «Литература и литературный процесс Урала рассматриваются в геокультурном и топографическом отношении, в аспекте репрезентации национальных историко-литературных традиций, во взаимодействии с социальными и политическими стратегиями, понижающими «тело» современной, в традиционном, но никогда не изменяю-

---

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО-СО РАН «Литература и история: взаимодействия и типы повествования».